

Он мог произносить тосты на 14 языках

и на всех пытался переводить стихи

Речь пойдет о том, кого мы, как народ, забыли. Не в силу своей памяти, а силу запрета на нее. 125 лет со дня рождения поэта Константина Бальмонта совпало с временем российской независимости. Но вот парадокс, страна может быть независимой, когда сильна, а не слаба. Может, поэтому у сегодняшней независимости нет своего буревестника, но очень много своих салтыковых-щедриных...

Бальмонт был символом независимости. Молодежь выходила на демонстрации со строчками его стихов. Он говорил о несправедливости накрытого стола жизни для одних и обедков для других. Он все время был в оппозиции к власти — любой...

...Бальмонт царил над публикой вместе с Брюсовым, но он не был, как Брюсов... Ибо вдохновением Бальмонта «революция делается», но «держатся Брюсовым»...

«Если бы надо было дать, — писала о нем Цветаева, — Бальмонта одним словом, я бы, не задумываясь, сказала: «Поэт»... я бы не сказала так

ни о Есенине, ни о Мандельштаме, ни о Маяковском, ни о Гумилеве, ни даже о Блоке. Ибо в каждом из них, кроме поэта, было еще нечто, большее или меньшее, лучшее или худшее, но еще нечто. Даже у Ахматовой была молитва — вне стихов. В Бальмонте же, кроме поэта, нет ничего».

Его место в истории литературы — основатель русского символизма. Это было «головокружительно ново» для поэзии. После переворота в семнадцатом году в стране о нем основательно позабыли, не вспоминали, в узких кругах клеймили за то, что пел он «песни сумерек и ночи».

...Бальмонт царил на троне поэзии десятилетия. Другие поэты или следовали за ним, или отбивались, отгораживались, сохраняя свое.

Поэт не описывал своей биографии. Не описывал социальной жизни. Он сжигал на огне поэзии свои ощущения, как художники-импрессионисты, ловившие свет... Он был очень неординарен в жизни. Дышал легко, как дитя. Его предки были выходцами из Скандинавии, а по матери в нем текла татарская кровь от монгольского князя Белого Лебеда Золотой Орды.

Импульсивность природы приносила много хлопот. Из гимназии исключен за участие в революционных кружках. Из Московского университета — за участие в студенческих беспорядках. Он не мог принудить себя жить по-другому, потому что жил своей жизнью. А сердце толкало на такие поступки... Не зная, как избавиться от первой же-

ны, он предпринял попытку самоубийства. Выбросился из окна гостиницы, но не погиб, а сильно изувечился. Придя в сознание, он почувствовал дикую боль от множества переломов и увидел над собой небо. Небо было высоким и недоступным. И он понял, что жизнь бесконечна. Потом год в постели — и этот год переломный: жизнь свята — и неприкосновенна.

Когда выздоровел, «душа его стала вольной как ветер». К тому же разводится с женой, снова женится, снова увлекается другой женщиной... четвертой, пятой. Роман за романом, бурно и открыто: «Да не смущается сердце Ваше, — у меня жен много, — я ведь по крови, с материнской стороны, Монгольский Князь Белый Лебедь Золотой Орды, — и Коран люблю, пожалуй, больше, чем Евангелие».

Другой его страстью были путешествия. Он объехал вокруг света. Когда возвращался из дальних странствий, в его честь устраивались банкеты. Он мог произносить тосты на четырнадцать языках и на всех пытался переводить стихи. Перевод — недалекий перелет. А у него и из чужих стихов «выпирал» Бальмонт.

В двадцатом году он уехал из России навсегда. Ему сделали командировку. Ведь он легко мог надерзить комиссарам... Вкус сладости жизни за границей заменился на горечь. Однажды он попал в автомобильную катастрофу и очень переживал, что испортил единственный костюм... хотя целы остались ноги.

Он был бездомным поэтом, но тут ощутил чувство поте-

рянного дома. Вместе с ним вошло внутрь одиночество. «Вы спрашиваете, как я живу, что делаю, — писал Бальмонт. — Трудные вопросы, но постараюсь дать полные и точные ответы. Однако, живу я у точно или это лишь призрак, — остается для меня самого не совсем определенным. Мое сердце в России, а я здесь, у Океана. Бытие неполное».

Я радуюсь возможности жить не в городе, особенно не в Париже, который последние пять лет мне стал ненавистен — и оттого, что я не выношу грязного воздуха и глупого грохота, — и оттого, что зарубежные русские или потопили в своей беде, или занимают политическим переселиванием из пустого в порожнее — и оттого, что современные французы плоски, неинтересны, душевно бессодержательны...»

«...Если большевизм в России лишь собирается умирать, зарубежная Россия помирает, духовно, весьма усердно». Бальмонт слегка ошибся. Смерть русской эмиграции касалась связи с прошлым. Прошлое прошло. И многие вписывались в атмосферу западного мира, переходили в письме на английский, как Набоков.

Бальмонт «не вписался»... Он жил в ритме своих ритмов, заклиний, колдовства... Он сходил с ума в буквальном смысле этого слова... А «ведь кто сошел с ума, тот уже никому не расскажет, что же он понял...»

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.